

ТАНАТОПОЛИТИКА В РОССИИ 1900-1920-Х ГОДОВ: ЛЕГИТИМАЦИЯ ЧЕРЕЗ ПОИСК СОЦИАЛЬНЫХ БОЛЕЗНЕЙ И РАЗЛОЖЕНИЯ

DOI: 10.26907/2079-5912.2023.3.73-78

Аннотация. Танатополитика – концепция, которая возникла в 2010-х гг. и на протяжении последних десяти лет всё чаще встречается в научной литературе. Но четких дефиниций для неё до сих пор не существует. К танатополитике обращаются в статьях, посвященных политической философии, художественной литературе, юриспруденции, СМИ. Объединяет эти работы стремление обнаружить универсальные связи между артикуляцией новых значений и легитимацией насилия. Мы рассматриваем танатополитику как вариант диспозитива власти, который основан на производстве знания об угрозах, имманентных жизни как таковой («гололой жизни»).

Мы считаем, что в 1905-1920-х гг. в России была предпринята попытка выстроить диспозитив власти, основанный на поиске зон разложения социального тела. Появление пространства публичной политики и медиализация академического языка определили актуальность танатополитики в тот период. Фигура полновластного эксперта-гигиениста стала ролевой моделью нового политика. Однако с установлением советского строя фундаментальные значения танатополитического дискурса стали конфликтовать с финальными ценностями марксизма. В генеалогии российской танатополитики мы обнаружили универсальное для этого властного диспозитива условие – невозможность/нежелание окончательного оздоровления общества.

Ключевые слова: Политическая философия, биополитика, танатополитика, некрополитика, диспозитив, Российская империя, СССР

Танатополитика (некрополитика) – термин, который начали употреблять в работах по политической философии и исследованиях media в 2010-е гг. Впервые термин «танатополитика» был упомянут в работе «Homo sacer» итальянского философа Джорджа Агамбена. В ней «танатополитика» была универсальной категорией в онтологии власти, необходимым элементом, которая диалектически уравнивает всякую биополитику. [1, с.156-157]. Для Агамбена любое политическое действие суверенного правителя связано с низведением конкретной жизни субъекта до простой биологической жизни индивида («гололой жизни»). Пространство политического формируется между сувереном и телом подданного, которое первый может перемещать, поить, кормить или казнить. Суверенное решение политика требует, чтобы тот, на кого оно направлено, оказался в уязвимом, открытом к насилию состоянии. То есть любая суверенная политика всегда является и био-, и танато-политикой.

Основой для современных работ о танатополитике служит генеалогический метод Мишеля Фуко. В литературе 2010-2020-х гг философы, прежде всего, американские, понимали под танатополитикой локальные дискурсы, которые в одних случаях определяли политический порядок, а в других – артикулировались отдельными авторами. [Например, 2, с.51-52]. Norton S. в статье о политике США во время эпидемии Covid-19, продемонстрировал, как государство через контроль над информацией создаёт истину о страдании, которая в свою очередь укрепляет политическую власть. Речь идёт именно о создании, а не обнаружении истины, т.к. «страдает» коллективное тело абстрактного Другого, созданное благодаря контролируемым статистическим исследованиям [3].

Танатополитика – это не этап в линейном развитии теории управления, но специфическая вариация биополитического дискурса, которую исследователь может обнаружить через анализ диспозитива «власть-знание».

Юджин Такер считает триумфом танатополитики американскую программу борьбы с биотерроризмом 2000-х гг. [2, с. 52-58] Однако он обнаруживает примеры «политической некрологии» и в более ранних текстах, например, в «Божественной комедии» Данте [4, с. 29-70].

Для танатополитического дискурса характерен акцент на уязвимости жизни перед внутренними угрозами, на патологиях, болезнях и физической смерти. Танатополитический поворот означает, что люди готовы принять государственное насилие не для того, чтобы получить нечто новое, но лишь для того, чтобы не потерять то, что имеют – «голую жизнь», универсальную финальную ценность новой эпохи.

Мы предполагаем, что в России некрологическая перспектива в отношении общества стала политическим инструментом в кризисный период между Первой русской революцией 1905 г. и окончательным установлением Советской власти в конце 1920-х гг.

Русская периодическая печать и публицистика в начале XX в. переживала этап бурного развития. После Первой русской революции (1905-1907), принятия Временных правил о печати, устранивших предварительную цензуру (1905), и роспуска Государственной думы (1906) количество оппозиционных независимых изданий увеличивалось, существующие СМИ радикализировались. Общество даже в губернских городах было сверхполитизировано. На повестке дня стояли вопросы общественного представительства и демократизации различных институтов: церкви, школы, армии, государственного управления и т.д. Ещё одним важным вопросом тех лет была оценка итогов революции. Несмотря на то, что публицисты 1900-х гг. занимали самые разные политические, этические, эстетические позиции, их тексты объединяет обилие медицинских метафор и, что важнее, ряд риторических приёмов, основанных на этих метафорах. К медицинскому языку обращались все: от священников-публицистов [5], до Премьер-министра [6] и авторов «порнографических романов» [7]. Они писали о «социальном вскрытии», «эпидемиях самоубийств/насилия/краж», «социальных недугах» о «безумии» эпохи, «лечение ядом», «разложении» и «незаметных парах в воздухе», из-за которых молодые люди кончают с собой.

Подобная риторика основана на эпистемическом повороте в европейской науке XIX в., описанном Мишелем Фуко в работе «Рождение клиники» [8, с.188]. Становление патологической анатомии в работах Франсуа Ксавье Биша и Рудольфа Вирхова ознаменовало изменение перспективы любого исследования человека. Биша в 1800 г. в работе «Физиологические исследования жизни и смерти» сформулировал новое определение жизни: совокупность отправлений, противостоящих смерти. Именно мёртвые или больные ткани (что для Биша было почти синонимично) доступны для эмпирического изучения. Вскрытие ста-

новилось единственным способом подлинного познания, качественно превосходящим поверхностное наблюдение за живыми организмами. Даже разложение в логике Биша вовсе не уничтожало информацию, но последовательно являло её, слой за слоем обнажая структуру тела. Ограничения медицины и химии конца XVIII в. не позволили Биша сформулировать высказывание о живом иначе, как апофатически. Он работал в эпоху, когда для установления окончательного диагноза существовал единственный гарантированный способ – посмертное вскрытие трупа в анатомическом театре. И, надо отметить, такая ситуация будет актуальна ещё как минимум век. Биша и другие пионеры патологической анатомии сняли церковные и общественные запреты на исследование мёртвого тела, т.к. доказали, что именно танатологический подход к проблеме жизни наиболее продуктивен. Если мы выбираем эмпиризм, мы вынуждены касаться мёртвых – таков их посыл. Рудольф Вирхов – автор главного европейского учебника по патологической анатомии – также указывал на связь между познанием и вскрытием. Кроме того, Вирхов стоял у истоков клеточной теории. Будучи не только медиком, но и политиком он развивал метафору общественного тела, состоящего из клеток-индивидов [9, с.41-42]. Работы Биша и Вирхова сформировали язык не только естественных, но и гуманитарных наук XIX в., главная из которых – моральная статистика – была попыткой последовательного переноса эвристических стратегий патологической анатомии на изучение государства.

Патологоанатомическая эпистема европейской науки была усвоена в России уже в XIX в. Работы Биша, например, упомянуты среди книг из библиотеки Евгения Онегина. Один из основателей моральной статистики, занимавшийся «анатомированием Английской нации», Генри Томас Бокль был переведён на русский язык, учебник Рудольфа Вирхова использовали на медицинских факультетах Императорских университетов. В 1882 г. в первой российской монографии по суицидологии А.В. Лихачёв писал: «развивая статистику, общество как бы подвергает себя судебно-медицинскому вскрытию» [цит. по 9, с.49].

В 1907 г. в либерально-демократической газете «Дневник Казани» был опубликован фельетон Якова Добровольского «На сходку» [10, с.1]. В первой половине повествования автор описывает студента, занятого вскрытием трупа в анатомическом театре. Параллельно с действиями героя автор «вскрывает» его внутренний мир, обнажая перед читателем холодный эгоистичный прагматизм в суждениях внешне благородного студента Болдина. Во второй части повествования, которая происходит вне стен анатомического театра, автор описывает коллективное тело студенческой сходки, перечисляет его «патологии» и уже ничего не говорит о мыслях и чувствах студента.

Важно, что любое исследование общественного феномена (в отличие от анатомического вскрытия) начинается с того, что автор самостоятельно очерчивает границы «тела». В текстах разных авторов начала XX в. «тело» отличалось: для писательницы З. Гиппиус это был Санкт-Петербург [11], для В.В. Розанова – православная церковь [12, с. 41-67], для социалистки С. Богатиной – горожане, послушно исполняющие свои социальные роли (рабочего и домохозяйки) [13, с.220-222].

Различным «эпидемиям» были посвящены сотни текстов «эпохи безвременья». Чаще всего писали об «эпидемии самоубийств». Для читающей публики в Российской империи существование этого феномена стало самоочевидным. Факт существования эпидемии не доказывали, а сразу объясняли. Даже в статьях ученых медиков в ход шли риторические фигуры, отсылающие к некому общему знанию: «Вряд ли однако можно сомневаться в том, что именно за это время самоубийства среди учащихся участились в особенно грозных размерах» [14, с.314]. Хотя сколько-нибудь удовлетворяющей статистики по данному вопросу в Российской империи собрано не было. Однако образ катастрофы, угрожающей воспроизводству жизни, пользовался успехом у авторов, озабоченных социальными преобразованиями.

Тексты журналистов, публицистов, писателей о добровольной смерти воспроизводили риторику ученых-гигиенистов. Последнюю Б. Латур охарактеризовал как «смесь высокомерия и растерянности» [15, с. 53]. В XIX – начале XX в. гигиенисты определяли язык здравоохранения, опираясь на миазматическую и контагиозную теории заражения. Они искали способ победить заболевания с неизвестной этиологией. Предложенное ими решение – реформирование общества на всех уровнях от питания и жилья, до этикета и административного устройства. Нужно было наделить врачей свободой суверенного решения, т.к. никто, в конечном итоге, не понимал, откуда болезнь может нанести удар в следующий раз. Нужно было приучить людей следить за самыми мелкими проявлениями собственной телесности, т.к. каждый индивид был потенциальной угрозой для коллективного тела. Того же требовали авторы и для победы над социальными эпидемиями: больше прав для родительских комитетов, либеральной реформы церковного прихода, экономических прав для женщин, самоцензуры писателей и т.д.

В Российской империи разговор о борьбе с любой эпидемией был дополнительно политизирован т.к. гигиенистика сама по себе считалась прибежищем оппозиционеров. Попытки гигиенистов привлечь внимание к санитарному состоянию города воспринимались царской администрацией как упрёк в сторону центральной власти. Министерство внутренних дел предпочитало бороться с по-

следствиями эпидемий, а не реформировать общество в качестве превентивной меры. [16, с. 76-80].

Танатологическая перспектива во взгляде российских монархов на общество, кажется, совершенно отсутствует. Царская администрация в Российской империи старательно избегала медицинской риторики. В условиях социальной аномии чиновники продолжали опираться на традиционные факторы легитимности: харизму правителя, военные успехи и экономическое благосостояние. Редчайший пример танатополитического высказывания из уст царского чиновника – выступление Председателя совета министров П.А. Столыпина в Государственной думе в 1908 г. по поводу Военно-полевых судов. В ней он сказал, что «когда человек болен, его лечат, отравляя ядом. Нет законодательства, которое не давало бы права правительству приостанавливать течение закона, когда государственный организм потрясён до корней» [6]. Схожая риторика спустя несколько лет приведёт к приостановке действия конституции в Веймарской республике. 28 февраля 1933 г. в Германии был издан указ «О защите народа и государства», который не отменял конституцию, но на 12 лет приостановил действие некоторых её статей. Эта ситуация немецкими юристами того времени описывалась как «*keinen gewollten Ausnahmestand*», т.е. «желанное чрезвычайное положение». Но для Российской империи подобная риторика из уст чиновника была исключением. О целебной силе яда чаще можно было услышать из уст маргинальных авторов вроде опального епископа Михаила (Семёнова), который называл христианство «сильнейшим интеллектуальным токсином с большой целящей силой» [5, с.40]. Для епископа Михаила и других неохристиан 1900-х гг., вообще, была характерна мысль, что главная угроза христианству – это само христианство.

Ещё одной точкой пересечения российской и немецкой политической мысли стали два коротких текста. Статья А.В. Луначарского «О самоубийстве» (1911) [17] и брошюра юриста Карла Биндинга «Санкция на уничтожение жизни, недостойной быть прожитой» (1923) [1, с. 173]. Первый текст – часть общественной полемики о т.н. «эпидемии самоубийств». Луначарский писал о существовании «разумных» самоубийц, которые кончают с собой, т.к. не могут принести пользы коллективу. Эти люди обладают правильным, с его точки зрения, материалистическим мышлением и принимают решение не жить в мире, за которое не может быть осуждения.

Биндинг в своей брошюре доказывает необходимость права на эвтаназию. Он предложил считать человека суверенном собственном теле, имеющим право объявить в его границах чрезвычайное положение. А, следовательно, такое прекращение жизни не является убийством и, вообще, преступлением. Биндинг сформулировал кон-

цепцию *lebensunwerten Leben* («жизнь недостойная быть прожитой»). Жизнь может быть завершена без преступления после правильной оценки её ценности – это замечание роднит Луначарского и Биндинга. Оба текста написаны в периоды общественного кризиса и политической борьбы. Люди, разделяющие этот дискурс, спустя несколько лет, придут к власти. Однако и советское правительство, и немецкое сделают одно дополнение: право оценивать жизнь граждан остаётся за государственными экспертами.

После революции 1917 г. новая власть продолжила использовать отработанные в политической борьбе начала XX в. методы. Во второй программе РКП(б), принятой в 1919 г. были обозначены «социальные болезни», требующие к себе пристального внимания. В 1920-е гг., впервые в истории России была предпринята попытка собирать исчерпывающую статистику самоубийств и даже публиковать её в открытых источниках. В материалах партийных пленумов различные девиации стали называть «язвами». К числу болезней новой эпохи добавили «онэпивание» и «хозобрастание». [18, с.300] Показательным примером того, как танатологический дискурс проявлял себя в советской практике, были санпросветсуды – театрализованные пропагандистские постановки, созданные на материалах реальных происшествий. Об их содержании можно судить уже по названиям, например: «Суд над гражданином Киселевым по обвинению его в заражении жены его гонорейей, последствием чего было ее самоубийство» (1922) [19]. Отправление правосудия и театр, политическая пропаганда и пропаганда гигиены сочетались в этих постановках, воспроизводя идеал государства-исследователя-патологоанатома.

В 1928 г. И.Т. Бобрышев написал сборник статей «Мелкобуржуазные влияния среди молодежи» [20]. По поводу громкого дела о групповом изнасиловании девушки рабо-

чими в Чубаровском переулке он писал: «Мы видим свои болезни и не замазываем их» [20, с. 106]. Но в том же сборнике Бобрышев критиковал писателей-современников, которые на основе конкретной общественной патологии делали далеко идущие вводы о рабочей молодежи, советском университете и городе. «Чубаровщина» для партийца-коммуниста Бобрышева уже была лишь досадным недоразумением.

В конце 1920-х гг. статистику самоубийств и преступлений перестали публиковать. Говорить о проблемах имманентных стране/городу/пролетариату вновь стало неуместно.

Иным был танатополитический дискурс 1900-х гг., когда о состоянии общества можно было говорить через любое самоубийство, любой бордель, любую сходку. И в текстах христианина В.В. Розанова, и у марксиста А.В. Луначарского значимым был каждый разрыв социальных связей. В этот период, когда в России в полной мере складывается институт общественного мнения, именно артикуляция проблемы, а не её решение, стала основой легитимности. Решение в конечном итоге всегда сводилось к расширению полномочий эксперта, что отзеркаливает принципы гигиенистики.

Советский утопический проект предполагал искоренение имманентных обществу проблем, через устранение классового неравенства. Одна проблема и одно решение. Панацея вместо гигиены. Тезис «мы будем вас лечить» заменили на «мы вас вылечим». Благодаря этому носители властного дискурса могли требовать не постепенного расширения, но сразу всех прав в отношении жизни граждан. Лихорадочный поиск зон социального разложения социологами, литераторами и журналистами стал избыточным. На смену публичному социальному вскрытию 1900-х гг. пришла цензура 1930-х гг.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Агамбен Дж. Homo Sacer. Суверенная власть и голая жизнь. / Джорджо Агамбен, пер. с итал. И. Левина и др. – М.: Изд-во «Европа». – 2011. – 256 с.
2. Такер Юдж. Три текста о заражении / Юджин Такер; пер. с англ. – Пермь: Гиле Пресс, 2020. – 132 с.
3. Norton S. When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas's Ethics, and Contagion // Revista Portuguesa de Filosofia. T. 77, Fasc. 2/3, Pensando a Pandemia: Perspetivas Filosóficas / Thinking the Pandemic: Philosophical Perspectives (2021), pp. 715-732 (18 pages).
4. Такер Юдж. Ужас философии: в 3 т. – Т.3. Щупальца длиннее ночи. / Юджин Такер, пер. с англ. А. Иванов. – Пермь: Гиле-Пресс, 2019. – 214 с.
5. еп. Михаил (Семёнов). Победённый Христос и «лунные муравьи» / Епископ Михаил // Самоубийство: сборник общественных, философских и критических статей. – М. : Заря, 1911. – С. 5–41.
6. Столыпин П.А. Речь о временных законах, изданных в период между первой и второй Думами, произнесенная в Государственной думе 13 марта 1907. // Полное собрание речей в Государственной думе и Государственном совете. – URL: (дата обращения 23.05.23) – Текст электронный.

7. Нейфльд Г.С. Порнографический элемент в русской литературе: Арцыбашев, Каменский, Кузьмин, Зиновьева-Аннибал, Сологуб, Сергеев-Ценский, Ауслендер, Борис Лазаревский, Олигер. – Екатеринбург: тип. Л.И. Сатановского, 1909. – 247 с.
8. Фуко М. Рождение клиники. / Фуко М., пер. с фрр., науч. ред. и предисл. А.Ш. Тхостов. – М.: Смысл, 1998. – 307 с.
9. Паперно И. Самоубийство как культурный институт. – М. : Новое литературное обозрение, 1999. – 256 с.
10. Добровольский Я. Фельетон. На сходку // Дневник Казани. – 1907. – №1. – С.1.
11. Гиппиус З. Н. Лунные муравьи. Шестая книга рассказов. М.: Альциона, 1912. – URL: (дата обращения: 23.05.23) – Текст электронный.
12. Розанов В.В. О Самоубийствах. / В.В. Розанов // Самоубийство: сборник общественных, философских и критических статей. – М. : Заря, 1911. – С. 41–67.
13. Богатина С. Самоубийства Женщин / С. Богатина // Женский вестник. – 1910 – № 11. – С. 220–222.
14. Попов Н.М. Современная эпидемия школьных самоубийств в России // Неврологический вестник. – Т. XVIII. – Вып. 1. – 1911. – С. 314.
15. Латур Б. Пастер: война и мир микробов. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. – 316 с.
16. Пироговская М. Миазмы, симптомы, улики: запахи между медициной и моралью в русской культуре второй половины XIX в. – СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. – 392 с.
17. Луначарский А.В. Самоубийство и философия // Самоубийство: сборник общественных, философских и критических статей. – М. : Заря, 1911. – С. 67–93.
18. Лебина Н. Пассажиры колбасного поезда: Этюды к картине быта российского города: 1917—1991 / Наталия Лебина. – М. : Новое литературное обозрение, 2019. – 418 с.
19. Демидович Е.Б. Суд над гражданином Киселевым по обвинению его в заражении жены его гонореей, последствием чего было ее самоубийство – М. : Гос. Изд-во, 1922. – 54 с.
20. Бобрышев И. Мелкобуржуазные влияния среди молодежи. – М. : Молодая гвардия, 1928 – 152 с.

Информация об авторе

Ротов Иван Михайлович, аспирант, Казанский (Приволжский) Приволжский федеральный университет, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, кафедра социальной философии.
E-mail: stamatin.peter@yandex.ru

Rotov I.M.

THANATOPOLITICS IN RUSSIA OF THE 1900S-1920S: LEGITIMIZATION THROUGH THE SEARCH FOR SOCIAL DISEASES AND DECAY

Abstract. Thanatopolitics is a concept that emerged in the 2010s and has been appearing more and more frequently in the scholarly literature over the past decade, but still there is no clear definitions for it. Thanatopolitics is referred to in articles on political philosophy, fiction, jurisprudence, and the media. Desire to discover universal connections between the articulation of new meanings and the legitimization of violence is what unites these works.

We propose to consider thanatopolitics as a variant of the dispositif of power, which is based on the production of knowledge about the threats immanent to life itself ("bare life").

We believe that in the 1905s and 1920s, Russia attempted to construct a dispositif of power based on the search for zones of decay of the social body. The emergence of the space of public politics and the medicalization of academic language determined the relevance of thanatopolitics in that period. The figure of the full-fledged expert hygienist became the role model of the new politician. However, with the establishment of the Soviet system, the fundamental meanings of thanatopolitical discourse began to conflict with the final values of Marxism. In the genealogy of Russian thanatopolitics we found a universal condition for this power dispositive - the impossibility/unwillingness of the final recovery of society.

Keywords: Political philosophy, biopolitics, thanatopolitics, , dispositif, Russian Empire, USSR

Literature

1. Agamben J. Homo Sacer. Sovereign Power and the Bare Life. – M.: Europa Publishing House. – 2011. – 256 pp.
2. Thacker Eugene. Three texts on contamination. – Perm: Gile Press, 2020. – 132 pp.
3. Norton S. When the Face Becomes a Carrier: Biopower, Levinas's Ethics, and Contagion // Revista Portuguesa de Filosofia. T. 77, Fasc. 2/3, Pensando a Pandemia: Perspetivas Filosóficas / Thinking the Pandemic: Philosophical Perspectives (2021), pp. 715-732 (18 pages).
4. Thacker Eugene. The Terror of Philosophy: in 3 vols. – Vol. 3. tentacles longer than the night. – Perm: Gile-Press, 2019. – 214 pp.
5. Bishop Michael (Semenov). The defeated Christ and the "moon ants" / Bishop Michael // Suicide: a collection of social, philosophical and critical articles. – M. : Zarya, 1911. – P. 5–41.
6. Stolypin P.A. Speech on the temporary laws issued in the period between the first and the second Dumas, made in the State Duma on March 13, 1907. // The Complete Collection of Speeches in the State Duma and the State Council. – URL: <http://lib.ru/HISTORY/FELSHTINSKY/stolypin.txt> (accessed 23.05.23).
7. Neufld G.S. The Pornographic Element in Russian Literature: Artsybashev, Kamensky, Kuzmin, Zinovieva-Annibal, Sologub, Sergeev-Tsensky, Auslender, Boris Lazarevsky, Oliger. – Ekaterinoslav: publishing house of L.I. Satanovsky, 1909. – 247 pp.
8. Foucault M. The birth of the clinic. – M. : The meaning, 1998. – 307 pp.
9. Paperno I. Suicide as a cultural institution. – M. : Novoye Literaturnoye Obozrenie. 1999. – 256 c.
10. Dobrovolsky Ya. Felieton. On the meeting // Diary of Kazan. – 1907. – №1. – P.1.
11. Gippius Z. N. Moon Ants. The Sixth Book of Stories. – M. : Altsiona, 1912. – URL: <https://gippius.com/lib/short-story/lunnye-muravyi.html> (accessed 02.07.22).
12. Rozanov V.V. On Suicides. / V.V. Rozanov // Suicide: a collection of social, philosophical and critical articles. – M. : Zarya, 1911. – C. 41–67.
13. Bogatina S. Suicides of Women / S. Bogatina // Zhensky Vestnik. – 1910 – № 11. – P. 220–222.
14. Popov N.M. Modern epidemic of school suicides in Russia // Neurologichesky vestnik. – VOL. XVIII. – Is. 1. – 1911. – 314 pp.
15. Latour B. Pasteur: war and the world of microbes. – SPb. : Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2015. – 316 pp.
16. Pirogovskaya M. Miasms, symptoms, evidence: smells between medicine and morality in Russian culture of the second half of the XIX century – St. Petersburg: Publishing house of the European University in St. Petersburg, 2018. – 392 pp.
17. Lunacharsky A.V. Suicide and philosophy // Suicide: a collection of social, philosophical and critical articles. – M. : Zarya, 1911. – P. 67-93.
18. Leбина N. Passengers of the sausage train: Etudes to the picture of the everyday life of the Russian city: 1917-1991 / Natalia Leбина. – M. : New Literary Review, 2019. – 418 pp.
19. Demidovich E.B. Trial of Citizen Kiselev on the charge of infecting his wife with gonorrhoea, the consequence of which was her suicide – M. : State Publishing House, 1922. – 54 pp.
20. Bobryshev I. Petty-bourgeois influences among the youth. – M.: Molodaya Gvardiya, 1928. – 152 pp.

Author

Rotov Ivan Mikhailovich, postgraduate student, Kazan (Volga Region) Federal University, Institute of Social and Philosophical Sciences and Mass Communications, Department of Social Philosophy.

E-mail: stamatin.peter@yandex.ru